

№3

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

ЗЕЛЕНЫЙ ЛУЧ

2018

Коллектив авторов
Зеленый луч №3 2018
Серия «Литературный журнал
«Зеленый луч» 2018», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44864291

Зеленый луч:

ISBN 978-5-00153-173-9

Аннотация

В новом выпуске журнала «Зеленый луч» – поэзия и проза известных астраханских писателей. Кроме того, в журнале опубликованы произведения гостей из других городов. В издание также включены новости книгоиздательства и сведения об авторах.

Содержание

К слову о литературной учебе	6
Поэзия	15
Андрей Белянин	15
«Как ты, милая...»	15
«За подол хитона пытаться поймать волну...»	16
«Я рисую тебя...»	17
«Если жить в Тбилиси, то не на улице, а в кабаке...»	19
«В написании стихов на салфетках есть свой смысл...»	20
«Мой ангел в погонах, замотан и груб...»	21
«Любимая...»	22
«Я – твои цепи, выточенные из цельной кости...»	23
«Я знаю, что ты красива...»	24
Виктор Перепечкин	26
«Если б стихами мы все говорили...»	26
«Взметнулся к небу чёрный столб...»	26
На привале страха	28
Наваждение	30
Каждый о своем	33
«Мысли, как вёдра на коромысле...»	34

Дом-музей Велимира Хлебникова	35
Ольга Маркова	37
«Вот и сдулось лето шариком проколотым...»	37
«На высоте многоэтажной...»	37
«Ноябрь черкнул на сердце метку...»	38
«Я, наверное, поспешила...»	39
Памяти Сережи Скисова	39
«Есть люди-бульдозеры и трактора...»	40
Тамарикс	41
«Птичьи слётки опять пролагают путь...»	42
«Над фонариком в руке, над уснувшей рекой...»	43
«Пальтишко лёгкое донашивай...»	43
«То стылая земля, – то благодать...»	44
Татьяна Иванченко	46
«Ночь дышит в затылок, неся непокой...»	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Зеленый луч

© Интернациональный Союз писателей, 2019

К слову о литературной учебе

«Учитель, воспитай ученика, чтоб было у кого потом учиться» – думается, этим правилом должен руководствоваться каждый литератор, достигший определенных высот в своем творчестве. Собственный рост невозможен в изоляции от себе подобных, идущих рядом или вслед. Все мы разные, но именно вместе создаем ту среду обитания, которая называется литературой. И в этом плане астраханские писатели всегда делились секретами мастерства с последующими поколениями поэтов и прозаиков. Впрочем, научить писать – это неправильно. При хорошем образовании многие могут освоить правильную рифмовку строчек. Так вырастают те, кого мы называем графоманами. Задача учителя – показать, как НЕ НАДО писать, создать обстановку, в которой будут проявляться индивидуальные способности каждого, раскрываться искренние тайники живой души. У настоящего поэта свое, отличное от других, видение мира, свои, рожденные только его сознанием образы. И честь наставнику, заметившему эти начальные искорки души и помогающему развить их до нужного уровня.

У нас в Астрахани издавна существовали самые различные литературные студии, как при Союзе писателей СССР, так и при библиотеках, музеях, школах и вузах. Уровень мастерства авторов напрямую зависел от организатора. Мне

довелось ходить на студию, которую вел Николай Ваганов. Распределение сил здесь определялось таким образом: мэтр и слушатели. Николай Васильевич делал разбор принесенных произведений, говорил долго и обстоятельно по каждому автору. Профессиональный поэт, у которого было чему поучиться. Спорить было бессмысленно.

В 1976 году в рамках исполнения постановления Союза писателей России о работе с творческой молодежью к нам в Астрахань была направлена Нинель Мордовина – поэт, журналист и очень яркая творческая личность. С ее приездом литературная жизнь в городе оживилась. При астраханском отделении, помимо членов Союза, сформировался творческий актив литераторов. Вместе с профессионалами мы привлекались для выступлений на производственных площадках, студенческих общежитиях, школах. А это тоже очень важный фактор – проверить себя на публике. Одно дело, когда пишешь «для себя» и все написанное тебе близко и понятно. Но наступает момент вынести свои мысли и чувства «на люди», и умение донести высказанное до чужого сознания – очень важный аспект становления творчества. Ибо быть услышанным хочется каждому, суметь высказаться получается не у всех...

В это время возникло движение зональных и общероссийских литературных семинаров, где происходило общение с коллегами из других городов, а также мастер-классы от профессионалов пера и издателей. Тогда же начала свою рабо-

ту литературная студия «Моряна» под руководством Нинель Мордовиной, и это определило мою судьбу. И не только мою. С тех пор в моем представлении и сформировался образ Учителя, способного открыть пишущему человеку сокровища собственной души, научить слушать себя и окружающих и черпать из этого мира темы для собственного творчества. Нинель Александровна, будучи сама талантливым поэтом, очень бережно относилась к творчеству начинающих авторов. Делая упор на удачные строчки, она помогала ученику самому увидеть слабости. Воспитывала вкус к слову, зачитывая прекрасные стихи известных поэтов современности и классику. Наши студийные посиделки были похожи на маленькие литературные вечера, где сама атмосфера поднимала планку творчества. И еще одна особенность обучающего момента у Нинели Александровны запомнилась мне: она не позволяла себе править неудачные строки у начинающих авторов.

Досконально разобрав, почему это не годится по правилам стихосложения, логике или бедности образа, она заявляла автору: «Ты сможешь сделать лучше!» И если это работало, то человек рос и в творчестве, и в собственных глазах. А если не работало, значит – не твое... Мне думается, что главная задача любого творческого объединения – создать такую среду, в которой ее обитателям было бы комфортно по дружеству, конструктивно по критике, познавательно по открытию нового материала. А также очень важна реализация

наиболее удачных произведений. В этом плане стиль «Моряны» соответствовал всем этим критериям. Причем к конструктивному спору Нинель Александровна приучала каждого из нас независимо от уровня творчества. Научившись видеть чужие недостатки (а это всегда легче), мы строже относились к своим достоинствам.

Немаловажная вещь – публикация. И в этом нашим главным партнером выступала газета «Комсомолец Каспия», на страничках которой всегда находилось место поэзии. Позже, когда мне уже самой довелось вести литературное объединение «Образы» при Астраханьгазпроме, нам очень помогало сотрудничество с газетой «Пульс Аксарайска» и с корпоративным журналом «Факел». Ведь публикации – это признание произведения состоявшимся. Оно – утверждающий фактор, придающий силу и уверенность в себе. Сейчас, знакомясь с альманахами современной поэзии, с грустью отмечаю подчас очень низкий уровень опубликованных работ, соседствующих с талантливymi подборками современных авторов. Что движет составителями, помещающими очень неравноценные произведения «под одной крышей»? Трудно сказать. Но, думаю, они оказывают медвежью услугу еще не состоявшимся авторам. Изданием они утверждают качество материала, в лучшем случае требующего серьезной переработки.

Продолжая экскурс в прошлое, хочу отметить еще одну яркую студию, которую несколько лет вел Андрей Белянин,

теперь – известный автор произведений в жанре фэнтези, при библиотеке имени Крупской. Здесь стиль заседаний был иной. Делая разбор текста, Андрей Олегович с присущим ему юмором отмечал слабые, логически необоснованные места и так умел преподнести студийцам эти огрехи, что автор сам недоумевал – как ему в голову могло такое прийти? Юмор и ирония критических замечаний Беянина очень стимулировали работу мысли. Вместо скучных лекций на тему «как надо писать», здесь на первом месте было «как не надо писать». Поощрялось коллективное участие в обсуждении. По этому принципу строилось обучение. Лидер студии был инициатором интересных творческих проектов и все время искал возможности для издания достойных авторов.

Яркий след в истории астраханской поэтической жизни оставила студия Ивана Чудасова. При литературном объединении регулярно издавался альманах с творчеством участников, а студийцы обращали свой взор на самые сложные для выполнения и нетривиальные поэтические формы. Они активно изучали акростих, палиндром, тавтограмму и создавали совершенно удивительную страницу астраханской поэзии.

В настоящее время в Астрахани работают несколько литературных студий. В стенах Музея культуры собираются представители Союза российских писателей. Некоторые из них – сами бывшие студийцы, согласно единству места, про-

тянувшие мост из студии Николая Ваганова, собиравшейся некогда там же, к студии Ольги Марковой, пришедшей на смену во второй половине 90-х. Кстати, первый альманах, выпускавшийся по результатам работы студии, так и назывался – «Мосты». Это при том, что авторитарные традиции вагановской студии были разрушены раз и навсегда. Традиционная расстановка сил – коллегиальность. Профессионалы слова, причем каждый со своим стилем, общаются, знакомясь с творчеством друг друга и помогая начинающим литераторам. При такой форме работы отсутствует авторитарность, а разница мнений помогает выработать свой взгляд на вещи. К тому же представители этой студии активно участвуют в концертной деятельности города, что помогает общению авторов всех уровней и популяризации качественной литературы.

В свое время в поисках лучших форм сотрудничества наиболее яркие поэты региона объединились с музыкантами, представителями авторской песни в литературно-музыкальное содружество «Ковчег», которое получило популярность своими выступлениями на разных площадках города в рамках областного социально-культурного проекта «Волжская палитра». А для самих участников содружества это стало хорошей школой публичных выступлений.

Содружество с музыкантами обогащает обе стороны, и потому появилось много песен на стихи астраханских авторов. В рамках «Ковчеха» начал издаваться литературный аль-

манах «Лепестки лотоса», в котором любой пишущий может претендовать на публикацию. Астраханское представительство Союза российских писателей, начав сотрудничество с Интернациональным Союзом писателей, возродило литературный журнал «Зеленый луч», в котором претендовать на публикацию может уже не каждый, а только прошедший суровый редакционный отбор. Но, так или иначе, у каждого пишущего есть возможность быть напечатанным и шанс быть замеченным.

Стремление к реализации свойственно каждому, особенно молодому поэту. Сейчас возможны и доступны самые разные его формы: интернет-пространство, арт-кафе и молодёжные объединения служат площадками для желающих проявить себя на публике. Я считаю, реализация должна идти параллельно с учебой и ростом мастерства. К сожалению, у некоторых стремление к лидерству при отсутствии развития идет в ущерб качеству материала, что и приходится наблюдать на авторских тусовках подобных авторов, называющих себя «поэтами». Формы обучения могут быть самыми разнообразными. Так, например, уже много лет существующее при Доме-музее Хлебникова литературное объединение «Ключ» вообще не имеет лидеров и руководителей. Каждый участник анонимно представляет на суд собравшихся свое произведение и каждый имеет право голоса при обсуждении. Лично мне всегда предпочтительнее была открытость, но, зная ранимость начинающих авторов, думаю, эта форма

имеет место быть востребованной. Гостями «Ключа» становятся астраханские музыканты, журналисты и филологи. А само пространство музея задаёт высокий уровень литературам и будит в них вдохновение.

Наряду с «Ключом» для молодых авторов чуть больше года назад открыта литературная студия «ВЯЗ» при Центральной городской библиотеке. На мой взгляд эта студия собрала все лучшие традиции разновременных объединений города Астрахани.

Здесь есть руководитель, есть группа лидеров, уже чего-то добившихся на литературном поприще. Открытое пространство обсуждения и регулярный выход на публику, а также приглашение на занятия профессионалов пера нашего города. Стоит отметить, что на студии ведется работа как с поэтами, так и с прозаиками, причем она дублируется в онлайн режиме, где каждый автор может получить рецензию или нужную информацию. За недолгий срок существования при «ВЯЗе» образовался коллектив достойных авторов, которые, в частности, хорошо показали себя на прошлогоднем международном фестивале «Всемирный День Поэзии», активно участвуют в поэтических и прозаических конкурсах, имеют хорошие подборки на публикацию и готовы выступать. На данный момент готовится к выходу электронный сборник интернет-проекта «Литцех», где под одной обложкой собраны произведения авторов из разных городов. Астраханская студия получила право участвовать в этом альма-

нахе со своим блоком.

В своем обзоре я представила только те литературные студии, с которыми знакома не понаслышке, чтобы дать представление о формах и возможностях того или иного объединения. В принципе, цель каждого содружества – помощь участникам в поисках себя и своего совершенствования, а уж какую форму выбирать – воля каждого. Эффективность же определит время!

Элеонора ТАТАРИНЦЕВА

Поэзия

Андрей Белянин

«Как ты, милая...»

Как ты, милая?

Бывает, во сне пытаюсь обнять тебя, но эти же сны
Уводят в другие объятия, в запах другой весны,
С песней веселой на диком варварском языке,
Где в сказках козел не мекает, а говорит – бре-ке-ке!
Там в синее небо втыкаются отточенные кривые ножи
И за полумесяц на башне порою кладут жизнь!
А я далеко настолько, что горло срывает в крик!
Рябиновая настойка – забытие на миг...

Как ты, милая?

Не доведут до добра эти вечные, звездно-серые сны.
Я мечусь на кровати в поту, и так стены тесны.
Раз в неделю. Мы вместе. Пусть встречи – на хлеб и воду.
Пусть не до шика, но в ясный ли день или в непогоду,
Шли мы рука в руке, пять или даже десять минут.
И этого НАШЕГО времени ангелы не отдадут
Никому! Мамкам, бабушкам, родственникам – не им!
В два сердца. В ритм крови. Но нам двоим!

Как ты, милая?

Можешь даже не отвечать. Все сложно. Я понимаю.
В краткий путь, опустив глаза, прямая от Ада до Рая.
Поэтому я на одном краю, а ты выбираешь другой.
И не надо мне что-то доказывать своею судьбой.
Просто губы сожми и привстань на скаку в стременах!
Подними коня на дыбы, чтоб уверенно выбить страх!
У меня – за тебя. Маленькую, блондинку дочь.
Настолько любимую, что сердца не превозмочь.
И над страшной пропастью узенькая тропа...
Как ты, милая?
"Я справлюсь, па..."

«За подол хитона пытаться поймать волну...»

За подол хитона пытаться поймать волну,
Пустая растрата времени, но все забава.
И, если Арго волей Зевса не пошел ко дну,
Какая твоя в этой повести честь и слава?
Ты вел его твердой рукою промеж быков
Посейдоновых, белых, могучих и гордых?
Ты ли срывал ли тяжелые цепи оков,
Твой ли корабль в упор разбивал их морды?
Ты ли стрелял по гарпиям, медью, а не свинцом?
Ты ли спускал умерших в холодное море?

Но я точно знаю, ты не глядел в лицо
Матерей, обезумевших от потерь и горя.
Так чего же ты пыжишься, старенький мореход?
Кто был героем, обманывал всю Колхиду?
Да если бы не Медея, увидел бы ты восход?!
А ты показал ей любовь. Фальшивую, для вида.
Нет в аргонавтах чести. Есть жажда наживы,
Стремление стать царем, и привкус крови
Не смея прилюдно сплунуть, не прогневав Шивы,
Ибо, все боги равны в смерти, как и в любви,
В ненависти, в благости, в коварстве, в именах,
Ищите различия! Право, смешно. По кругу,
Вечною сказкой движется тот же смех и страх,
Наивно хотеть уравнивать мечту и земную подругу.
Старик, твой великий корабль лежит в песках.
Герой, твое время тем же унылым песком в носках,
Надеется робко хоть на чей-нибудь поцелуй...
Оставь. Забудь. Никого уже не ревнуй.
Поверь, Ясон, она прокляла твои цветы
Ты сволочь, Ясон.
Это честно.
И шел бы ты...

«Я рисую тебя...»

Я рисую тебя.
След от карандаша

Чёрный, как дьявольская душа,
Вспарывает бумагу не хуже ножа
Когда капелька крови виснет, дрожа.
Я рисую тебя.

Сквозь призрачный круг
Бывших имён друзей и подруг,
Вечного плена, сейчас и вдруг,
Вкруг тихого плена холодных рук.
Я рисую тебя.

Не продаю картин.
Каждый мой холст навсегда один.
Словно заплыв меж остывших льдин,
А в запахе ярких красок – ладан и тмин.
Я рисую тебя.

Сотый, первый ли раз?
Графика строк в колорите фраз,
Образ, успевший взорвать оргазм,
Словно сон мой в оправе твоих же глаз.
Я рисую тебя.

И твой профиль вдали.
Повторяют ушедшие в ночь корабли.
В светлой эре возвышенной любви!
Путь твой в небе,
а мой – в пыли...

«Если жить в Тбилиси, то не на улице, а в кабаке...»

Если жить в Тбилиси, то не на улице, а в кабаке!

«Если», пожалуй, лишнее, в Тбилиси нельзя не пить.

Идти по узким улочкам, покачиваясь налегке,

Вспоминать из Гамлета, вечное, быть иль не быть?

Быть, генацвале!

Вторят улыбочивые тифлиссские кинто,

Одетые в чёрное, с красным платком на морщинистой
шее.

И так, как они, никогда не сумеет с тобою рыдать никто,

Смеяться и плакать, и петь, не спрашивая разрешения!

Пить!

Скажет любой босяк или нищий, седой старик,

Прозящий монетку, придерживающий вам двери.

Он помнит Сталина, СССР, он к новому не привык,

Предпочитая жизнь в недоверии, чем в безверии.

Быть!

На этих тропиночках сорок пять градусов вниз

Трезвый сломает ногу, а пьяный пройдётся танцем!

Святая Нино, какие красавицы поглядывают через
карниз,

А очи их чёрные играют вспышками протуберанцев.

Пить!

Красное, белое, розовое, сотни и сотни сортов вина

Смешиваются в сердце и венах, делая кровь – алой!
Прав Пиросмани, рисуя пиры! И не этой земли вина,
Что мы перестали знать меру и чувствовать дно бокала.
Быть!

Но нас заставляют с чужой ладони слизывать соль,
Пить!

Раз уж память героя Кантария предали за текилу.

Мать моя, Грузия... боже, какая боль...

Мне больше не надо веры,

Мне надо силы!

«В написании стихов на салфетках есть свой смысл...»

В написании стихов на салфетках есть свой смысл.
Не то чтобы кайф, а скорее уж некая обреченность.
Ты ловишь на пенке арабики какую-то новую мысль,
А слова обретают особо изысканную утонченность.
Как будто б не теплый кофе касается твоих губ.
Вот запах песка и соли, моря и трав в Марокко.
Ржанье коней берберов, выстрелы, рев боевых труб,
Неумолимое солнце палит, как фараоново око!
И вот уже сердце несется под бешеный стук копыт
К шайтану поводья, шамширы пластают воздух!
Ты сам с этим небом и этой землею навеки слит,
Слава Аллаху, навечно убить тебя – несерьезно...

Пусть ветры вздыхают и прячутся змеи в норе,
В арабском есть слово "смерть", но нет "измена".
Римские когорты или хваленые британские каре —
Примет пустыня, всеядная и терпеливая, как гиена.
Ты же, сплюнув в салфетку чернеющий крови ком.
Почувствуешь сладкую слабость и удовлетворение.
Глотнешь кофе, одобрительно прицокивая языком,
Начнешь новую жизнь, как новое стихотворение...

«Мой ангел в погонах, замотан и груб...»

Мой ангел в погонах, замотан и груб.
Тяжелые веки, блуждающий взгляд.
Упрямая складка ложится у губ.
Он хочет вернуться на небо назад.
В далекие кущи, где град золотой,
Где воды хрустальны, где небо поет.
Ему там привычней, он все-таки свой.
Но ангелам воли никто не дает.
Мой ангел в папахе, из черной овцы.
Седая щетина, небритый три дня.
И мы с ним похожи, хоть не близнецы.
Я так же как он, ненавижу меня.
А он обречен за двоих огребать,
За мною, по ходу, идти до конца
Но он помогает мне на ноги встать.
Он порох и кровь мне смывает с лица.

Мой ангел в мундире далеких времен,
А если соврет, то всего ничего.
Он рубит наотмашь, он пьет самогон,
И тут уже я защищаю его.
От божьего гнева, гремящего ввысь,
Но этому ангелу все нипочем!
Когда на расстреле нас ставят вдвоем,
Он тихо на ухо шепнет – улыбнись!
А я его
молча
закрою плечом...

«Любимая...»

Любимая...
Рахиль читает письмо и плачет.
Она знает, кругом война, а ее Иван ушел в казаки.
Бездымная
Встает заря, никому ничего не знача,
И как отыскать в уходящей луне волшебные знаки
Пророчеств.
Так много метаний, религий и вер.
Твоему маленькому сердцу трудно вместить все их.
Без отчеств,
Имен, фамилий, крестьянин ли, офицер,
Знает, есть черное время боли, чистое время смеху.
Еще любви!

Впрочем, ей любое время к лицу.
Ее не волнуют даты, народы, запреты или вопросы.
Храм на крови,
Книга, не устремляющаяся к концу,
Горящие под солнцем Израиля тихие русские росы.
У губ твоих,
Конь мой склонен и поводья дрожат в руке.
Лишь мой поцелуй горделиво опустит тебя на колени.
Кроткий стих,
Как выстрел шальной, услышанный вдалеке.
Это только наша, а не их земля, с Кубани и до Тюмени!
Рахиль моя...
Вдох мой/выдох, меж ними проходит жизнь.
Целую ладони твои, крещусь на иконы, беру шашку.
Прости меня,
Уходят в былое сны и напевы тризн.
Есть лишь Божий суд и я с душой своей нараспашку...

«Я – твои цепи, выточенные из цельной кости...»

Я – твои цепи, выточенные из цельной кости.
Ты их не чувствуешь, тебя от них не спасти.
Ты даже не знаешь о крепости их и длине,
Когда кладешь свои руки на плечи дней.
Ты выходишь из дома, прикованная ко мне.

Моё сердце сразу становится холодней,
Мои губы бледнеют, как белеет кость,
Мои сны и рифмы ты сметаешь в горсть.
И неспешно слизываешь с ладони,
Словно образ чеканный на полукроне,
Опустив молчаливо в моё вино
Лишь одно серебряное звено.
Удержав меня крепче оков
Костяных стихов...

«Я знаю, что ты красива...»

Я знаю, что ты красива.
Любуюсь тобой по ночам
И вижу, как тень оливы
Бежит по твоим плечам.
Под Римом беспечно время,
А ночь охлаждает жар.
На месяца звонкое стремя
Бросая свой пеньюар,
Ты падаешь, как на площадь,
Что нежностью замело,
И тонко-хрусткая простынь
Вдыхает твоё тепло.
Целую твои ресницы
Часами или веками,
А смерть вырывает страницы

С нашими именами.

И тянется за горизонт

Твой сонный и сладкий стон...

Виктор Перепечкин

«Если б стихами мы все говорили...»

Если б стихами мы все говорили,
Мирно спрягали погоду в катрене, —
Мир, словно курица, не был на гриле...
Иль доморощенным львом на арене.
Если б заботы свои рифмовали,
Сеяли свет в поэтическом поле, —
Каждый бы день, как дитя, обмывали,
Не было страха звериного, боли.
Если бы в ритме едином стучали
Наши миры, что не знают покоя, —
Души, как чайки, в ночи не кричали.
Бог не спросил бы: что это такое?
Если б стихами мы все говорили
И под словами не прятали лица, —
Даже не знаю, что мы б натворили,
Если уж в сердце – такое творится!

«Взметнулся к небу чёрный столб...»

Посвящается

Наталье

Качуевской,

Взметнулся к небу чёрный столб.
Огонь! – Вдруг слева голос грубый.
Назад ни шагу!.. Насмерть!.. Стоп!
Чуть слышно – мама – спели губы.
А на зубах скрипел песок.
От взрывов уши заложило.
Туда – бросок, сюда – бросок...
Рубцом на шее вспухла жила.
Боец – ни жив, ни мёртв – худой...
Жизнь снова вытянет ручонки.
Здесь в землю врыт, под Хулхутой,
Бессмертный полк её – девчонки.
Сестрёнка, девочка совсем,
(А горе уж не корка хлеба!),
В кровавой видеела росе
Всю степь и взмыленное небо.
В полста шагах лежит овраг.
Там раненых – как лет ей – двадцать.
Пробита брешь в атаке... Враг
Не думал, в общем-то, сдаваться.
Вчера ещё и школьный мел
Всё помнил: звали её Натой.
Чтоб вражий дух окаменел —
Себя подорвала гранатой! —
За двадцать раненых в кольце
Огня и ненависти тёртой,

С последней думой о бойце,
Кто ни живой пока, ни мёртвый.
Наташа... Ната... Натали...
В полях скорбели ковыли.
Бог кулаком внезапно стукнул,
Чтоб там, в недремлющей дали,
Жила бы вечно санинструктор.
Чтоб помнили её в лицо,
С тяжёлой сумкою с бинтами.
И тех, бессмертных, перед нами,
Спасённых девочкой бойцов.
Взметнулся в небо белый столб.
Проговорились медью трубы.
Назад ни шагу!.. Насмерть!.. Стоп!
Чуть слышно – Ната – пели губы.

На привале страха

Всё, что касается меня, семьи, страны,
Это – война.
Всё, что касается других семейств, кланов, государств,
Это – война.
Всё, что пропитано любовью и ненавистью,
Верой и недоверием,
Это – война.
Всё, что даёт нам начало разбега
Для преодоления дистанции

И, придя к финишу, бросает в пропасть,

Это – война.

Всё, что не даёт разумного ответа

В поисках истины,

Это – война.

Как микроб не доверяет микробу,

Как птица сбивает с налёта птицу,

Как зверь питается зверем,

Так человеческие сознание и бытие

Подавляют друг друга.

Весь мир, кроме человека,

Находится в своей клетке,

Мы – в чужой!

Человек пожирает своих детей,

Прискорбнее всего – тех,

Кто ещё не родился.

Скроена ладно твоя форма, солдат.

Пуговки с блеском, фуражка, ремни и погоны...

Подшить бы мечту под воротничок —

В погоне за звёздами.

Сапоги или берцы? Есть ли разница —

Чем давить насекомых?

Накладные карманы, секретки,

Липучки для броника,

Глубокие гнёзда для магазинов...

Плотная материя

Вместе с лицом и руками —

Цвета хаки.

И, конечно же, строевой шаг,

Который —
Или растворится в прахе дорог и песен,
Или, с горным эхом,
Раздвинет горизонт будущего,
Обнажая и обогащая черты прошлого.
И глаза! Чего стоят глаза?!
Живые, по-детски подмигивающие солнцу,
Они ещё надеются и верят,
Они любят и дорожат теплом земли,
Вскормившей их.
Как меняется структура воды на Крещение,
Так меняется восприятие души человека,
Надевшего военную форму
И взявшего в руки оружие.
Душа!
Душа человека и интеллект робота.
Кто кого? – Душа человеко-робота?
Ещё есть маленький шанс
Понять то,
Что касается меня, моей страны, моей вселенной,
Нашего, люди, временного пристанища.

Наваждение

Который час не сплю – явление,
Что сеет мыслей суету.
Изрядно мучает давленье,

Погоду чувствую – не ту...
Не ту, что радует дорогой,
Не ту, что мне сладит уста.
Охвачен я в ночи тревогой,
С которой до смерти устал.
Со стороны похож на бука...
Не оттого ль душа чиста,
Что правда чья-то – с ноутбука,
Моя же – с чистого листа.
Не сплю пока. Палю дыханье,
Как в сне притворном, летом, степь.
А кто-то, рядом, всё нахальной
Мнёт тяжкой поступью постель.
Шаги из ряда нервных пыток.
А что, если – жилища босс?!
Эх, хорошо бы не копытом
Мне по затылку или в нос.
Как рожь купаясь под луною,
Когда закрыт созвездий рот,
Меня вдруг хлад накрыл волною
И на ладонях выбил пот.
А вслед за варварским набегом
Лукавой полночи волны,
Мурашек стаи – оберегом —
Вскипали, дерзостью полны.
Утрачена и тела гибкость...
В глазах и ужас, и огонь,
И страха ледяная липкость
Сковала сердце сквозь ладонь.

Не чувствуя ни расстоянья,
Ни ног, стремлюсь задать бросок.
Какое противостоянье
Бросает кровь мою в висок?!
Мне воевать или мириться,
Иль скорчить рожу, как дитя?
Вот лица чёрные, как птицы,
В сиянье каменном летят.
Ничто под звёздами не вечно...
Волна с волною множат риск.
Ну, где ты, сказочное нечто?
Не слышу твой ни рёв, ни писк.
Закончим наше выступленье,
Оцепенение и всплеск...
Какое глупое плененье!
Какой животный, жуткий блеск!
Не сплю, а в некой параллели
Стекает кровь моя с кола,
И в засеребряных аллеях
Поют по мне колокола.
Но вот уж звон всё тише, тише...
Звук скрипки дикого стыда
Вдруг на полтона тянет выше.
Прощай, бессонная страда!
Не проронив слезы ни разу,
Как завсегда, как игрок,
Мой остаётся в силе разум
Пред чёрным скопищем тревог.
Случаются такие вещи...

Иль может мыслей суета.
Жива душа, жива...трепещет,
Хотя погода впрямь – не та.

Каждый о своем

Мечтает девочка о нём —
О принце датском, светлооком.
Мечта её летит конём,
Ещё не спутанная роком.
Находит девушка лишь в нём
Черты отца, родного брата.
Здесь даже дьявол опьянён
Грозой сердечного набата.
Грустит и женщина о нём,
Окинув скудное жилище.
Слетается вдруг вороньё
На прошлой жизни пепелище.
И с бабкой дед скулят о нём —
О дне уж призрачном, туманном,
Как две дворняги под огнём —
Чужого века – негуманном.
И я поведаю о нём...
Он не живёт по чьей-то моде,
Он на диване дремлет днём,
А ночью бьёт котов по морде.

«Мысли, как вёдра на коромысле...»

Мысли, как вёдра на коромысле,
Водрузил на плечи и – айда.
В слове – тайна равновесья, в смысле —
Как устоять мне на кромке льда...
Как сбалансировать на канате,
Когда тебя вдруг пытается дрожь.
Что примечательно то – в Канаде
Такие же берёзы и рожь
Плетёт по биржам свою интригу,
Заносчиво так и высоко...
Поверить трудно, что даже в Ригу
Не впускают русских рысаков.
В слове есть фортуна и для пули,
В слове ветхом теплится весь смысл.
Разметают наши камни бури,
Если вдруг упустим божью мысль.
Как вёдра на коромысле мысли,
От того, что протёр я плечо,
От того, что до сердца прогрызли
И от боли словам горячо.
За что немилость испокон веку?
Слово соболя, каракульча,
Путь от обезьяны к человеку —
Видно, не шубейку снять с плеча.
Опять немчина упёрлась рогом,

Строкою строгой красней падёж...
Уж коль неравны вы перед Богом —
Днём с огнём в вас Бога не найдёшь.

Дом-музей Велимира Хлебникова

Необычный круг друзей,
Разный вкус стиха и хлеба...
Это место – Дом-музей,
С лестницей, ведущей в небо.
Это – точка с запятой,
Даже если стих отточен.
Пребыванье под пятой
Неземного многоточья.
Это – поле без границ,
Где шаманит дух творенья,
Где, предвидя озаренье,
Припадает солнце ниц.
Пирамиды лиц и слов,
Мысли-ягоды броженье.
Выезд одарённых снов
В Колизей стихосраженья.
Велимирова гряда...
Гумус прошлых поколений.
Череда ЧП, явлений
Без ущерба, без вреда.
Если, правда, год – не гад,

Платит золотыми другу.
Время мчится наугад
По проторенному кругу.
Велимирова стезя...
Эхо звёзд сквозь лес дремучий.
Речи мечет, очи мучит
До последнего – нельзя.
Здесь особый колорит
И пронять его несложно.
Если эхо говорит,
Значит, это слово – МОЖНО.
Можно мне, тебе и вам...
Недоумевают боги,
Что по нашим головам
Ходят чьи-то, сверху, ноги.
Пьют мирские голоса,
Давят в кровь колосья хлеба.
За чугуновой кромкой неба —
Синей лентой полоса.
То – его скользящий взгляд,
То – святая сила смеха.
Если с чёрным словом – яд,
С белым – звёзд родное эхо.
Белым сном напоят Русь,
В белом слове мир и мера.
Твой, поэт, родник – как вера,
С родника и я напьюсь.

Ольга Маркова

«Вот и сдулось лето шариком проколотым...»

Вот и сдулось лето шариком проколотым.
Стали ночи и прозрачны и свежи.
Хорошо... Но только пусть не слишком холодно
Будет всем живущим в эту осень жить.
Эта осень постучится в окна мутные,
На обочинах разложит пикники,
И костры её – прощальные и мудрые,
Прокоптят мои одежды и стихи.
Станет медленным любое пробуждение,
Отсыреют старомодные холсты.
Приближается эпоха отчуждения
Вместе с воздухом горчайшей чистоты.

«На высоте многоэтажной...»

На высоте многоэтажной
И на окраинах забытых
Ноябрь измятой промокашкой

Впитает всё, что здесь разлито.
Все звуки отшумевшей ночи,
Всю горечь городского быта,
Где ржавых свалок многоточье
Пунктиром трассы перебито.
Здесь дух – дворняжий, норов – сучий,
Здесь жизнь просрочена, сурова,
Здесь правит всем товарищ-случай
В несвежем ватничке бомжовом.
Костры кадят последним светом
Подмокших листьев, веток хрустких,
В промозглом завыванье ветра
Сквозит мотивчик среднерусский.
Подходит к завершению пьеса «На дне»,
Но диалог корявый
Ещё звучит над чёрным лесом
И придорожною канавой.

«Ноябрь черкнул на сердце метку...»

Ноябрь черкнул на сердце метку,
Ночь растворилась не спеша,
И, как в овин, в грудную клетку
Насильно загнана душа.
В квартире тихо, в мире пусто,
По листьям дождик моросит.
Кочан мороженой капусты

Главой на блюде возлежит.
Табачный привкус, ржавый ветер,
Начало суетного дня.
И то, что нет тебя на свете,
Уже привычно для меня.

«Я, наверное, поспешила...»

Я, наверное, поспешила
И в юдоли своей земной
Слишком быстро ткала и шила
Сны и промыслы, хлад и зной.
А теперь ни слезы, ни страсти, —
Лишь изнанки двойное дно,
И, раскрытое на части,
Не стыкуется полотно
Этой жизни, которой мало
Всех стихов моих, всех знамён...
И укрыта я одеялом
Тишины с четырёх сторон.

Памяти Сережи Скисова

Свет мой, где ты?
В какой ты мерцаешь тьме?

Из какой такой глубины тягучей
Ты стремишься послать сообщенье мне,
Состоящее из неземных созвучий.
Состоящее, в общем, из пустяков:
Снов прерывистых, смыслов необратимых,
Из неосязаемых облаков,
Полу-очертаний огня и дыма.

Свет мой, знаешь,
Я долго тебя ждала
И жила до времени лишь тобою,
Но пропела бронзовая стрела
Над твоей отчаянной головою.
Ночь ли, вечер, утро ли, жаркий день —
Я твои позывные всегда услышу:
То внезапно подарит цветы сирень,
То украдкой дождь простучит по крыше.
Ни к чему выпытывать: «Как ты, где?» —
Просто улыбаюсь твоей улыбкой.
Всё разлито в воздухе и в воде.
Всё звенит и плещется в дымке зыбкой...

«Есть люди-бульдозеры и трактора...»

Есть люди-бульдозеры и трактора.
Они, все в пыли и тавоте,
Прут к заданной цели, задрав рукава,

Ложатся костями на работе.
Есть люди иные – бесстрастный планктон,
Мещанская подлая морось.
Дресс-код по заказу, небрежный поклон
И невыразительный голос.
А есть люди-лебеди, люди-мечты.
Не в силах сокрыть свои крылья,
Они улетают за грань высоты
Не предпринимая усилья.
И смотрят с печалью сквозь дым городов
На свалки бульдозеров и тракторов.

Тамарикс

Злит мошка, гудит комарик,
Зверь хоронится в песках,
Но цветёт шальной тамарикс
На степных солончаках.
Нет ни капли, чтоб напиться
Освежающей воды.
Только вечности глазницы
Да змеиные следы.
Только кваканье лягушек
Из ильменного райка
Да пустынное удушье
В дуновеньи ветерка.
Но цветы его простые —

Словно бога письменна,
Словно всполохи былые,
Неземная купина.
Как старается, сердешный,
Как сгорает изнутри,
И цветок его небрежный
Вопиёт: «Я соль земли».

«Птичьи слётки опять пролагают путь...»

Птичьи слётки опять пролагают путь
В небеса бездонные, неоглядные.
Лето знойное, дай на тебя взглянуть,
Дай расправить плечи твои шоколадные.
Перегрев на воздухе, жар в песках,
Дни горохом в котомку судьбы ссыпаются.
Плещет рыба на отмели в тростниках,
Песня иволги в зарослях рассыпается.
Ждать недолго. Чуть-чуть – и опять дожди
Застучат по листьям в сухом ветлянке,
Но пока ещё летний пожар в груди —
Принимай от природы кнуты да пряники:
Пережёвывай злых комаров укус,
Ночи душные прячь под подушку жёсткую
Из полынных трав, языком на вкус

Пробуй жизнь эту пряную, степь неброскую.
Проскользни неслышно на водопой,
Где орлан кружит над речной излучиной,
И как встарь, беду отведи рукой,
Чтобы душу твою по утрам не мучила.

«Над фонариком в руке, над уснувшею рекой...»

Над фонариком в руке, над уснувшею рекой
В недалёком далеке только нега и покой.
Выпь внезапно прокричит, хрустнет ветка – и опять
В южной бархатной ночи будет сон меня качать.
Поистлеют невода, истончится жизни нить,
Но по речке и тогда будет мой кораблик плыть.
Весь он соткан из мечты, из неясного огня,
От любой земной беды укрывает он меня.
Не «Титаник», не «Ковчег», не «Аврора», не «Секрет»,
И на весь наш странный век для него названья нет.
Он стремителен и прост, – то пирога, то ладья,
И встаёт за ним, как мост, жизнь минувшая моя.

«Пальтишко лёгкое донашивай...»

Пальтишко лёгкое донашивай,
Считай кукушкины года,
Но сколь себя ни прихорашивай —
Всё смоеет талая вода.
Она в пески и взвеси ряжена,
И вся – сплошной водоворот.
Так по судьбе черкнёт коряжиной —
Что рот оскоминой сведёт.
С низин сметая гнёзда птичьи
Бурлит и пенится река,
И всё её многоязычие —
Чужие песни и века.
Огреет волн свинцовых плёткою,
И, сколько за борт ни держись, —
На отмели разбитой лодкою
Моя безудержная жизнь...

«То стылая земля, – то благодать...»

То стылая земля, – то благодать,
То мёртвые глаза, – то лик небесный.
И до небес уже рукой подать —
Окаменелой, жалкой, бесполезной.
Но снова с губ срываются слова,
Собакою бросаются под ноги,
Хотя судьбы бесстрастные итоги
Резцом давно означены едва,

Хотя и день и полночь без тебя
Мучительны и непреодолимы, —
Слова – отчаянные пилигримы
Нисходят в душу, нервы теребя.
Они кричат: «У Бога мёртвых нет!»
Они в тетради продлевают строчку,
Как будто шьют незримую сорочку,
В которой появляются на свет.

Татьяна Иванченко

«Ночь дышит в затылок, неся непокой...»

Ночь дышит в затылок, неся непокой,
Не то что собака моя на подушке
Забавно сопит. Как к пушистой игрушке,
Я к ней прижимаюсь щекой.

Но там, за спиною, бессонная ночь
Мешает уйти от причин и последствий.
Какие на это отпущены средства,
Чтоб мне ерунды не забыть ни одной?

Всё кружат и кружат, как в зимней степи,
Простые вопросы, пустые ответы.
Из зимней степи проникающий ветер

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.